

ВЛАСТЬ И ПОЛИТИКА

рых использовался и пермский опыт, в прокуратуру, губернатору, в УФАС. Выступления и дискуссии на телевидении тоже сделали своё дело: к началу июня в городе не осталось сталинистских плакатов.

Почему Сталин?

«Сталинская билбордиада» — это лишь одно из «измерений», в которых сейчас разворачивается «война памяти». Однако при всём их многообразии в этой войне снова и снова в центре столкновения исторических нарративов оказывается образ Сталина. Почему? Одна из попыток дать ответ на этот вопрос была предпринята в феврале 2015 года на круглом столе «Осмысление сталинизма в формировании мировоззрения студента». Среди многих выступлений выделяется замечание председателя пермского «Мемориала» Роберта Латыпова о неосталинистских формах дискурса, запущенных весной 2014 года лидерами государства и подхваченных российскими СМИ («пятая колонна», «национал-предатели» и т. д.) как средство оправдания политических практик, ассоциирующихся с образом Сталина (культ «вождя», доносы, безусловное право государства распоряжаться жизнью, собственностью и свободой своих граждан и т. д.). Преподаватель Высшей школы экономики Александр Чашухин как одну из специфических черт современной неосталинистской образности отметил её «гламурный» характер.

К слову, наблюдая дебаты, разворачивающиеся на наших глазах вокруг образа Сталина, уместно вспомнить работы Алексея Лосева о символической природе имени. Имя-символ порождает реальность. Наши современники с энтузиазмом конструируют образ «вождя-победителя», но вместе с баннерами и, мягко говоря, странными «сталинтинками», вместе с дискуссиями о «плохом» (до 1943 года) и «хорошем» (после) Сталине в церковных кругах, о переименовании Волгограда в Сталинград — тихой сапой осуществляется легитимация языка и практик, неотделимых от имени-символа. Доносы, обличения «врагов народа», аресты домохозяек и автослесарей по обвинению в измене Родине —

это уже наша повседневность. Так что вопрос о Сталине — это вопрос не «исторический». Это вопрос о том, что происходит с нами здесь и сейчас.

Мосты в будущее

Своего рода «фоном», на котором происходили наши встречи и круглые столы, акции «Возвращение имён», антисталинистская полемика в местной прессе, было и остаётся нарастающее, увы, противодействие со стороны местных коммунистов, организаций НОД и «Суть времени», имевших до недавнего времени опору в региональном министерстве культуры.

Особенно ярко проявилось это противодействие, когда группа гражданских активистов — журналист Анастасия Сечина, председатель Пермской гражданской палаты Игорь Аверкиев, соучредитель Музея советского наива Надежда Агишева, журналист Владимир Соколов, руководитель Центра ГРАНИ Светлана Маковецкая, председатель пермского отделения общества «Мемориал» Роберт Латыпов и его коллега Ирина Кизилова, организатор фестивалей Светлана Чергик, доцент исторического факультета ПГГПУ Виталий Ковин и я — в конце апреля 2015 года решили возобновить прервавшуюся после 2012 года традицию проведения гражданского форума «Пилорама».

За два месяца была разработана концепция форума, продумана сетка событий и собраны необходимые средства (при этом организаторы фестиваля отказались от поиска основного спонсора, сделав ставку на массовость поддержки). Основной темой «После Пилорамы — 2015» стала формулировка «Мосты в будущее». И, учитывая, что одна из главных мутаций, произошедших «после Крыма» в историческом сознании россиян, — это исчезновение сколько-нибудь ясного образа будущего, организаторы фестиваля разработали программу так, чтобы помочь самим себе и другим участникам ответить на вопрос: как жить сейчас так, чтобы завтра в этой стране могло стать другим?

Практически все задумки, связанные с фестивалем «После Пилорамы», удалось реализовать даже несмотря на то,

что по специальному распоряжению местных властей гражданский форум проходил в условиях практически полного информационного вакуума, владельцы нескольких площадок в самый последний момент объявляли о внезапных авариях, а организаторам фестиваля настойчиво рекомендовали не включать в программу посещение музея «Пермь-36».

Пожалуй, самыми интересными с точки зрения «битв памяти» оказались дискуссионные площадки «О вреде истории для жизни: социокультурные последствия современной политики памяти» и «PR Сталина — PR на Сталине».

Влияние «карамзинского нарратива»

Центром первой дискуссии стало выступление представителя «Вольного исторического общества» и главного редактора журнала «Отечественные записки» Никиты Соколова, посвящённое роли «Записки о древней и новой России» Николая Карамзина в формировании традиции российского исторического нарратива, получившего название «карамзинский» — обильно насыщенного героическими образами воителей, не щадивших ни своих, ни чужих жизней ради укрепления государства. Никита Соколов обратил внимание на крайнюю степень «милитаризации» исторического сознания, поддерживаемую и воспроизводимую на каждом новом витке российской истории таким «карамзинским нарративом».

По мере развития исторической науки «(квази)карамзинский нарратив» всё больше удаляется от неё, становится самодовлеющей политико-идеологической схемой, инструментом политического манипулирования. Одним из эпизодов противостояния мифологизаторов истории и профессиональных учёных оказался, к примеру, недавний конфликт министра культуры РФ Владимира Мединского и директора Государственного архива РФ Сергея Мироненко, который в июне 2015 года опубликовал документы, доказывающие, что знаменитая история «28 героев-панфиловцев» была не более чем фальсификацией журналистов. В ответ

министр культуры предложил учёному «сменить профессию».

Дискуссия «PR Сталина — PR на Сталине», состоявшаяся на следующий день в Музее советского наива, позволила выявить основные риторико-манипулятивные техники, которые используют современные сталинисты. Одной из них стала общественная тенденция идентифицировать себя как русского (российского) в качестве сторонника, «наследника» традиции империи, то есть в нашей ситуации как сталиниста. Эту тенденцию хорошо чувствуют коммунисты — и эксплуатируют её в своей «билбордиаде».

Необходимость вторичного травмирования

Фестиваль «После Пилорамы» завершился 12 июля поездкой участников к музею жертв политических репрессий «Пермь-36», где на бывшей фестивальной поляне был сооружён из 500 вертушек ленд-арт-объект «Ветер перемен». Этот фестиваль оказался одной из первых прошедших в Перми массовых акций гражданского ненасильственного сопротивления «схлопыванию» пространства свободы. Летом 2016 года он получил продолжение в форме общественного фестиваля «Мосты».

Важно подчеркнуть, что одной из основных форм такого сопротивления становится разработка вариантов сохранения в общественном сознании памяти о значимых событиях прошлого, выносящих из «поля непрогнозируемого» в пространство публичного дискурса память о жертвах Большого террора. Поэтому так важно, что в 2015 году Пермь стала четвёртым российским городом после Москвы, Петербурга и Таганрога, присоединившимся к проекту «Последний адрес».

Разумеется, я далёк от радужных надежд. Россия закрывается. Закрывается от мира, от собственной памяти, от самой себя. К чему это приведёт в ближайшие годы — Бог весть. Однако понимание этого не освобождает нас от обязанности здесь и сейчас делать всё, что в наших силах, для того чтобы оставаться самими собой, хранить память.

Позиция ответственности требует от историков быть своего рода «антителами» в общественном организме, сохранять память о пережитой обществом травме именно как о травме, беде, которая никогда не должна повториться, эти «антитела» призваны поддерживать иммунитет общественного организма. Подобная работа предполагает необходимость своего рода «вторичного травмирования» — обращение к сознанию и совести сограждан, свидетельство о пережитой катастрофе. Такую роль, помимо всего прочего, играет проект «Последний адрес» и связанные с ним публикации. Ответственность, о которой идёт речь, с необходимостью требует осуществление постоянного труда любви и надежды, в основе которых простое понимание невозможности предать память о погибших в годы массовых репрессий, предать тех, кто пытается противостоять незаконному сейчас, не предавая при этом самого себя.

С ответственностью за прошлое и будущее своей страны связан труд, направленный на врачевание ран и разрывов: проговаривание правды, поддержание рвущихся связей, противостояние официальной лжи.